

DELITTI E DELIZIE

ЮЛИЯ
ЕВДОКИМОВА

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ "РУССКИЙ ДЕТЕКТИВ"

*Темные
воды
Венеции*

18+

Юлия Евдокимова
Темные воды Венеции
Серия «Преступления
и вкусоности», книга 11

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69601225

SelfPub; 2023

Аннотация

Приехав в Венецию поддержать подругу на винном конкурсе, Александра открывает для себя романтическую сторону города: маскарад в старинном дворце, чёрные глаза незнакомца в золотой маске, вальс под дождём на площади Сан Марко... Но приходит ночь и всё меняется, не зря гласит старый указ: не выходите на улицу после третьего удара колокола. Темные воды Венеции хранят мрачные тайны, но иногда старые ритуалы возрождаются. Однажды ночью в саду графини Контарин найдены двое убитых, и это лишь начало. Александра снова ныряет в гущу событий, ещё не зная, что на этот раз одна не справится. Потому что в Венеции всё по-другому, здесь время не имеет значения... Главный персонаж этой книги- Венеция. Её история, её каналы и мосты, её ритуалы, хранимые старыми семьями. Увидеть Венецию – и умереть. Или... влюбиться?

Содержание

Глава 1.	7
Глава 2.	14
Глава 3.	25
Глава 4.	36
Глава 5.	62
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Юлия Евдокимова

Темные воды Венеции

«Юлия- тонкий знаток и ценитель итальянской кухни и прочих итальянских тем».

Джангуидо Бреддо, почетный консул Италии, член Академии истории итальянской кухни, автор книги «Настоящая итальянская паста».

***

«Аппетитные бестселлеры Юлии Евдокимовой: Италия, которую можно попробовать на вкус».

Газета «Аргументы и факты».

***

«На книжной полке- тайны и туманы».

Журнал «Италия».

Умирающая Венеция, Венеция, отдыхающая на море,
Сладкую одержимость ее последних печальных дней
Венеция продает туристам
(Франческо Гуччини)

Когда в Венеции светит луна, кажется, что ты гуляешь
внутри гравюры.
(Карло Досси)

Венецианский закон действует не дольше одной недели.
(Поговорка)

Все совпадения имен и событий случайны.

Глава 1.

Лагуна казалась тягучей темной смолой, лишь огни далеких лодок вспыхивали в ней крохотными оранжевыми искрами. Это был тот час, когда ничто не нарушает тишины спящего города, спят кораблики-вапоретти, спят лодочки торговцев, которые вскоре наводнят бачино Сан Марко и Гран Канал, спят гондолы, слившись с ночью тусклыми черными боками.

В час, когда рассвет лишь угадывался где-то вдали, на станции карабинеров на Campo Dei Gesuiti раздался звонок.

Жара недавно отступила и в открытые окна вместо привычной за лето душной влажности влетал свежий ветерок. Набережная в двух шагах, и ветер с лагуны хоть изредка продувал бы кабинеты жаркими летними днями, но мешала влажность. По-венециански облезлое белое здание станции карабинеров одной стороной выходило на площадь и рию Санта Катерина, другой на рию деи Джезуити, испарина поднималась в воздух с воды с двух сторон и открытые окна в августе равнялись самоубийству.

Сентябрь позволил выдохнуть.

На самом деле грех было жаловаться. На площадь редко забредали туристы, здесь катались на велосипедах дети (что строжайше запрещали правила!) сидели под платанами старички, торопились на работу венецианцы, висело над кана-

лами выстиранное постельное белье, а то и чьи-то разноцветные панталоны. Это коллегам возле пьядца Сан Марко некогда пообедать, к ним вереницей идут туристы, потерявшиеся или ограбленные, а то и сами по рассеянности оставившие свои кошельки и кредитки в баре. Здесь же большую часть времени было спокойно.

Сентябрь окончательно погрузил всех в расслабленное состояние, прохлада и тишина сделали свое дело.

Оттого звонок прозвучал неожиданно и тревожно, как бы банально это не звучало, ведь нет ничего более тревожащего, чем предрассветные звонки. Почти всегда можно дожидаться утра, почти – но не в экстренном случае.

Женский голос сказал, что хочет сообщить о двух телах, назвал адрес. На просьбу представиться звонившая ответила просто: «contessa» и повесила трубку.

Через несколько минут черный катер с красной полосой и белой надписью «carabinieri» спугнул треском мотора спящих по соседству венецианцев, а заодно и маленьких мраморных херувимов церкви Санта Мария Ассунта, которую все звали по имени площади – Джезу.

Вскоре катер притормозил возле высокого венецианского дворца из красного кирпича с узкими стрельчатыми окнами.

Заспанный дворецкий отворил двери, жестом пригласил следовать за ним и провел карабинеров сквозь темный холл во двор.

Со стороны, глядя на голые каменные фасады, не дога-

даешься, что внутри скрыт большой сад, идеально спланированный. С дикими травами и цветами, не по сезону благоухающими жасмином, невысокими пальмами, у подножия которых дремали две кошки, сразу шмыгнувшие в заросли розового кустарника при виде людей.

Дворецкий кивнул куда-то вглубь. По выщербленным плитам карабинеры прошли в указанном направлении. Там скрывался старинный фонтан, не видный и не слышный за кустарником, слабая струйка воды почти бесшумно стекала в широкую чашу. С двух сторон фонтана два обнаженных мертвых тела мужчины и женщины, сидели, прислонившись спинами к холодному мрамору.

Старший из карабинеров посветил фонариком – крови было совсем мало. Никаких набежавших луж, лишь бледные в свете фонарей тела.

Офицер оглянулся и лишь сейчас заметил маленькую темную фигуру в углу патио, такую же неподвижную, как и убитые. Он шагнул ближе, фигура шевельнулась, и в круг света ступила женщина со светлыми коротко остриженными волосами в черном бархатном одеянии в пол.

– Капитан Флавио Маркон, мы прибыли по вашему звонку, графиня.

Женщина удовлетворенно кивнула:

– Венецианец. Я рада. Графиня Изабелла Контарин. – Она протянула маленькую ручку с тонкими пальцами.

– Почему вы позвонили нам, а не в полицию, *contessa*?

– Я не доверяю полиции. И потом, преступление совершено на объекте, связанном с искусством, это Антонио Канова, – она небрежно кивнула в сторону старого фонтана. – А это ваша сфера. Спасибо что прибыли так быстро.

Флавио осторожно пожал тоненькие пальчики.

– Их нашли вы?

– Да, это печальное открытие сделала я.

– Вы знаете жертв?

– Я знаю мужчину. Это Альфонсо Терранова, журналист.

– А женщина?

– Никогда не видела.

– Когда вы их нашли?

– Примерно в 4.30. Если мне не спится и нет дождя, я пью кофе в саду.

– Вы видели или слышали что-нибудь ночью?

– Нет, капитан. В палаццо двойные рамы, никаких внешних звуков. Если у меня бессонница, что бывает часто, я брожу по дому, вы видите, насколько он большой для одинокой женщины. Но, как я сказала, здесь двойные рамы и все герметизировано для охлаждения воздуха. Даже играй в саду оркестр, я не услышу.

– Откуда вы знаете жертву?

– Я состою в совете галереи Джорджо Франкетти в Ка д’Оро. Вы знаете, полагаю, что Ка д’Оро построил мой предок в XV веке, собственно, как и этот дворец, и несколько других... Брат Террановы тоже состоит в совете. Раз в год я

устраиваю ужин для всех членов совета, пару раз, конечно, с моего разрешения, Альфонсо приходил с братом. Кажется, года три назад.

– Больше не приходил?

– Нет, я не позволила.

– Почему же?

– Вы читали статьи Террановы, капитан?

– Нет, но слышал о нем.

– Ну тогда вы знаете, что он специализировался на сплетнях из жизни известных людей. Мерзкий мусор, собранный везде, где только можно. Вот только в отличие от прочих светских журналистов Терранова был удивительно точен! И я понимаю, откуда он черпал информацию, от чего становится еще печальнее. Он несколько раз предлагал мне встретиться и поговорить о людях, которых я хорошо знаю. Естественно, я отказала, и не захотела видеть его на ужинах. Грустно, что кто-то из нашего круга оказался не столь щепетильным.

– Графиня, – появившийся судебный медик склонил голову и даже, похоже, приложился к маленькой руке. – Я думаю, вам лучше прилечь. Чуть позже я позвоню доктору Вьянелло, он зайдет вас проведать сегодня днем.

– Вы же знаете меня, Альберто, я в порядке. Не надо никаких докторов.

– И все же вам лучше пойти прилечь, – теперь склонил голову капитан. – Позже нам придется встретиться с вами,

чтобы задать несколько вопросов. – Но сейчас, после такого потрясения, вам нужно отдохнуть.

– Так что у нас тут? – проводив графиню внутрь дома, капитан вернулся к техникам.

– У обоих удар в сердце острым предметом, похожим на кинжал. Следы пыток. Выколотые глаза, у мужчины нет языка.

– Они убиты здесь?

– Думаю, нет. Недостаточно крови.

– Следы?

– Никаких. Те, кто перенес тела, были в перчатках и скорее всего в бахилах. Следов не оставили

– Те?

– Их было как минимум двое, не думаю, что один человек мог легко перенести два тела.

– Еще что-то?

– Остальное после вскрытия, капитан.

Глава 2.

Саша никак не предполагала, что окажется в Венеции.

Во-первых, цены на перелет казались нереальными, да и не летала она с пересадками. Прямой перелет еще можно было вытерпеть, но выйти из самолета и вместо облегчения, что все позади, загрузиться в следующий рейс, было выше ее сил.

Да, несмотря на многочисленные поездки, адвокат Александра Емельянова мракобесно полагала: захоти Небеса, чтобы люди летали, они дали бы людям крылья. С тем, что вместо крыльев Небеса могли дать самолеты, она была категорически не согласна, вот и сидела весь полет, вцепившись в подлокотники кресла и сердце падало куда-то в пятки с каждым вздрагиванием самолета. А уж воздушные ямы... Саша была уверена, что однажды умрет от разрыва сердца прямо во время турбулентности.

А во-вторых, несмотря на прошедшие годы не забылось счастливое время, которое они провели в Венеции с Лукой, тосканским комиссаром полиции. Собственно, после Венеции все и пошло наперекосяк, но те дни до сих пор были живы в памяти и делить Венецию с кем-то другим она не хотела.

Тогда она покупала на рынке свежие продукты и потом готовила на небольшой кухне с окнами на узкий канал. Частенько Лука отстранял ее от плиты, и готовил сам, заод-

но показывая подруге, как нужно готовить «аутентично» по-итальянски. Они шутливо ругались, спорили, но приходилось признать, что обед из итальянских продуктов у Луки получался лучше. Очень часто это были настолько простые блюда, что Саша удивлялась, как же получается так вкусно.

Даже в Венеции Лука умудрялся найти пакеты с надписью «Pasta Toscana», не признавая не только традиционные венецианские соусы из мелких рыбок, но и все виды пасты.

Комиссар доставал огромную кастрюлю, уверяя Сашу, что только в большом количестве воды можно правильно сварить пасту, кипятил воду, подсаливал и наконец торжественно вскрывал пакет.

Он придирчиво рассматривал купленные Сашей продукты, предпочитая отсыпаться, пока девушка отправляется на рынок, но не забывая критиковать ее выбор помидор или зелени. И приступал к священнодействию-приготовлению соуса.

Саша, зная о спагетти, тальятелле, феттуччини или в крайнем случае о пенне, начала разбираться в тосканских «пичи» или «реджинелле» о которых никогда раньше не слышала, а простота соусов изумляла и заставляла замирать у Луки за спиной с карандашом и блокнотом, записывая, как он умудряется создавать шедевры из обычных овощей. Но записывай – не записывай, а так вкусно у нее самой вряд ли получится, для этого надо родиться итальянцем.

Там же, одним теплым вечером, когда дрожало пламя све-

чи на столике маленькой траттории, а скрипач выводил что-то романтическое, они оба вдруг замолчали, почувствовав, что пришел тот важный момент, когда будет принято решение. И оба испугались этого момента и этого решения и потеряли его навсегда. Сегодня, спустя годы, они оставались близкими друзьями, но прошлого было не вернуть.

Но человек предполагает, а Небеса располагают, вот уже остался за спиной Стамбул, и поздним вечером самолет приземлился в аэропорту Марко Поло.

Не успела Саша выйти в зону прилета, как оказалась в объятиях подруги. Обычно спокойная и уравновешенная, Сонька визжала и вопила, на них оборачивались и показывали большие пальцы.

Собственно, из-за Соньки Александра и прилетела в Венецию.

Некогда сама врач-кардиолог, выйдя замуж за итальянского кардиохирурга Сонька забросила медицину и полностью отдалась своей второй страсти – виноделию. Вместе с мужем и нанятыми специалистами она восстановила старый виноградник в поместье мужа в Романье с таким энтузиазмом, что за пару лет их вино вышло на итальянский рынок, заявило о себе, и вот вина Россетти попали на международный винный салон в Венеции.

Марко, муж Сони, был занят в больнице и искренне обрадовался, что у жены будет компания в лице лучшей подруги,

самая восхитительная поддержка, какая только может быть, и даже оплатил Сашины билеты, не слушая никаких возражений.

Так что, несмотря на ненависть к пересадкам и романтические воспоминания, Саша приняла предложение провести неделю в Венеции, да еще и за счет семьи Россетти. А кто б отказался?

Соня превратилась в сто процентную итальянку. Темноволосая, смуглая, стройная она тараторила хлеще коренных жителей этой страны, а уж диалектные словечки и жесты сыпались из нее не хуже, чем из какой-нибудь неаполитанки. Она все предусмотрела: когда у их стенда на выставке посетителей и жюри будут встречать две стройных молодых женщины примерно одного роста, блондиночка и смугляночка, шансы ламбуско пиньолетто и граппаросса винодельни Россетти явно вырастут. В качестве вина она была уверена, а лишний эффект для презентации не помешает.

Понятно, что отель с окнами на Гран Канал на целую неделю семейство бы не потянуло, расходы на участие в винном бьеннале и так сказались на семейном бюджете, а вот миленькая квартирка на калле Лоредан была по карману.

– Зачем нам какой-то отель! – Восхищалась Саша, стоя на балкончике, заставленном цветочными горшками, где помещались лишь небольшой столик и одинокий стульчик. Но зато по краям балкона красовались витые мраморные колон-

ны, а выходил он на рию Мадонна дель Орто, по которому сновали лодки и катера, а за каналом серый дворец сменялся разноцветными двухэтажными домами с вывешенным над улицей бельем, а дальше виднелась колокольня церкви. Ветер с лагуны пах солью и йодом, оставляя на губах тот восхитительный привкус счастья, что возможен только на море.

К дому прилагалась легенда. Официальная версия гласила, что мужчина в чалме, тянувший за собой верблюда на барельефе на фасаде дома, это торговец с Востока, но в квартале уверяли что это волхв, и каждый раз перед Рождеством фигура пропадает с фасада, волхв на своем верблюде отправляется на встречу с Младенцем, ведомый звездой. Конечно, это легко проверить, но надо ли!

У них было целых два дня, чтобы осмотреться и отдохнуть и с новыми силами отправляться на винный салон. А еще Соня заранее предупредила подругу, что на сей раз вечерний наряд обязателен, потому что у нее уже имеется приглашение на два лица на бал, посвященный открытию бьеннале. И не куда-нибудь, а в палаццо Контарини дель Боволо, один из самых великолепных венецианских дворцов.

***

В первый же вечер, не успела Саша распаковать вещи и насладиться видом с балкончика, девушки отправились ужинать.

– Сицилийская кухня? Ты с ума сошла? Где Сицилия и где мы? Ты лучше меня знаешь, что есть надо в местных заведениях.

– Слушай знатока! – по-итальянски помахала Сонька пальцем в воздухе. – Я ж не просто так, с бухты барахты туда собралась. Сама увидишь.

Ресторан сразу опустошил Сонькин кошелек, потому что пришлось вызывать такси. Ну, то есть катер-такси, конечно.

– Ты б еще гондолу заказала, и вышел бы у нас романтический вечер, – бурчала Саша, – на двоих.

Потратилась Соня не просто так. Гулять по улицам Венеции без цели настоящее наслаждение, а вот если нужно отыскать конкретный адрес, да еще не на набережных, а в глубине, наступает настоящий кошмар. При всем желании найти какую-то логику в системе нумерации домов, сделать это невозможно. В Венеции все номера идут подряд, а всего их около 6000 в каждом районе. Поэтому для приезжего адрес бесполезен, нужно долго изучать карту, смотреть, какие известные улицы и площади находятся поблизости, да и то результат не гарантирован. Причем сначала нужно воспользоваться индексом, и убедиться, что ты ищешь нужный адрес в правильном районе (*sestiere*), так как названия улиц в каждом из них... часто повторяются!

Корректных карт Венеции, как утверждают сами венецианцы не существует, более того, спроси маршрут у двух-трех венецианцев и получишь совершенно различные напут-

ствия. Да и кто сказал, что они венецианцы? Количество понаехавших давно превысило количество коренных жителей, которые, наоборот, предпочитают уехать из Венеции «на материк» к нормальным ценам и прочим благам цивилизации. Места магазинчиков и маленьких лавочек заняли гонконгские сувениры для туристов, а мастера-изготовители масок и даже бабушки-кружевницы острова Бурано работают исключительно на потеху публике, ведь настоящие «кустарные» вещи, *artigianali*, заняли дешевые китайские подделки, продаваемые под видом местных.

Но всего этого не замечает человек, приезжающий в Венецию туристом, для него этот город по-прежнему прекрасен, его грустных сторон он не увидит, разве что удивится агрессивным надписям на дверях траггторий “no pizza, no pasta”. И действительно, зачем вредничать, ведь ненавидимые тобой толпы туристов приносят деньги! Но это последняя отчаянная попытка сохранить индивидуальность.

Венеция, и, пожалуй, Портофино в Лигурии, больше всего потеряли от всемирной славы, потеряли главное- свою душу.

Даже имея точный адрес траггтории, куда они направлялись, Соня отчаялась хотя бы примерно понять, где же искать это заведение, а если и подберешься поближе, не факт, что выберешься. Не понравится что-то Венеции, и пиши пропало. Она как живой организм, видит, слышит и чувству-

ет, и, если что не по нраву, запутает так, что сто раз пройдешь мимо нужного места, а не увидишь, сто раз пройдешь нужный поворот – и упрешься в тупик.

Так и подкатили – а вернее приплыли – Саша и Соня к нужной трагтории с шиком, на отделанном деревом венецианском катере-такси, за бешеные деньги и под нежные подмигивания водителя. Соньку-то он мог и за итальянку принять, а вот светловолосая и белокожая Саша точно туристка, а значит, надо включать обаяние на полную.

Не зря, ох не зря привезла Соня подругу в эту трагторию! Здесь готовят блюда сицилийской кухни с непроизносимыми названиями. Например, *casarecce alla turiddu* – паста, похожая на короткие трубочки-макароны, а заправлена она помидорами, каперсами, оливками. А десерт-пальчики облизешь! *Semifreddo di zabaione a marsala de Bartoli dieci anni*, в переводе на человеческий – семифреддо это домашнее мороженое с различными наполнителями, а в данном случае вместо наполнителя был дзабайоне, яичный крем с вином, так вот вино было сицилийской марсалой аж десятилетней выдержки!

– Зачем продукт переводить!!! – изумлялась Соня, уплетая десерт за обе щеки, и расплываясь в улыбке всеобъемлющего счастья.

Но сначала были *Sciabolini agli scampi e polpa di granchio*, то есть большие креветки в омаровом соусе с крабиками и

осьминожкой, которые, рыдая над ценой в меню, взяла Соня, – Живем один раз, и вообще, разве мы не приехали получать международные награды нашему вину и не пойдём в палаццо на бал!

Саша лишь округляла глаза – неодобрительно глядя на Соню и в восхищении на блюдо, поданное ей самой. «Мидии в пасте» оказались совсем не тем, что представляла она, листовая меню. Мидии были поданы в «котелке» из теста, нечто средним между блинчиком и веронскими креспелле, а потом она подняла «крышку» и совсем пропала, вдохнув восхитительный аромат.

– Ладно, ты оказалась права, – повинулась Саша на обратном пути, когда они из последних сил тащились вдоль каналов, переходили по мостикам, ныряли в арочки, трижды заблудились и наконец добрались до своего «верблюжьего» палаццо.

Пришлось и остановиться надолго, и вопреки новым запретам усесться прямо на ступени мостика, пока Соня отвечала на обязательный вечерний звонок экономки, на попечение которой оставила двухлетних близнецов Луку и Кьяру. Экономке дали твердое указание звонить дважды в день, утром и вечером. Синьора Марина обожала близнецов и с удовольствием занималась детьми до приезда с работы их отца, Марко, но Соня готова была контролировать каждый шаг, это же ее дети!

– Почему нельзя нормально улицы называть, – ворчала Саша, укладываясь в кровать. – Ну ладно там «виа» или «калле», на худой конец «страда». Напридумывали тут “Cannareggio 1244” и что? И где искать этот номер?

– Им и этого мало! – засмеялась Соня. – На разных картах одна и та же площадь может называться campo San Biagio, campo San Blasio и campo San Biasio – на итальянском, венецианском или диалекте региона Венето.

С этими мыслями они и уснули и снилось Саше, как ныряет она в крытый переход sottoportego, переходит мост- ponte, чтобы выйти на набережную – fondamento и, наконец, попасть во дворик-тупик corte, но нашла ли она то, что искала, неизвестно, потому что больше ничего из дурацкого сна Саша не запомнила.

Глава 3.

– Ничего нового я тебе не скажу, – судебный медик вручил Флавио заключение. Обе жертвы были убиты ударом очень тонкого орудия, это либо кинжал, либо рапира...

– Рапира?

– Что-то вроде фехтовальной рапиры или тонкого копья. У обоих выколоты глаза. У мужчины вырезан язык, у женщины беспорядочно острижены, а местами вырваны волосы.

– Этого нам и не хватало... Маньяк? Я не помню подобных преступлений в Венеции.

– А ты много слышал об убийствах в Венеции вообще? Были, конечно, случаи, когда особо оригинальные личности привозили жен в Венецию, чтобы здесь и задушить, ты молодой еще, не помнишь.

– Отелло себя возомнили? Ох, не нравится мне это все... жертвы сильно мучались?

– А вот это единственная новость на сегодня. Вскрытие показало, что перед смертью обе жертвы поели, очень легко, скорее всего просто закусывали аперитив. По количеству этанола можно установить, что это был ликер или десертное вино. Но в крови обнаружено большое количество опиатов, поэтому к моменту смерти оба были в бессознательном состоянии и не реагировали, когда отрезали язык и выкалывали глаза.

– Наркотики?

– Не думаю. Кто в наше время будет принимать опиум, если существует огромное количество синтетических веществ, которые легко можно купить.

– Лекарства?

– У обоих сразу? Вряд ли. Но вот, собственно, и все, подробности прочтешь в отчете. И еще... Флавио, будь помягче с графиней, меня очень беспокоит, что тела найдены в ее саду.

– Ты давно знаком с графиней?

– С детства. Моя мать была лечащим врачом ее покойного мужа, они близко общались, я помню, как в детстве меня брали с собой в палаццо на ужин. Муж ее владел несколькими заводами в Венето, собирал произведения искусства, входил в попечительские советы нескольких галерей. Графиня просто молодец! После смерти мужа она сумела не только сохранить капитал, но и преумножить, вкладывает средства в восстановление памятников, жертвует на реставрацию картин, графиня настоящий патриот Венеции.

– Не мудрено, если вспомнить, сколько дождей дала Венеции фамилия Контарини! Доменико, 101й дож, Никколо, 97, и это только 16-17 век, я всех даже не помню.

– Контарин. Графиня предпочитает венецианское написание и произношение своей фамилии. Кстати, она сказала, что очень рада видеть венецианца-карабинера.

– Я так и представился, Марконом, а не Маркони, по при-

вычке.

– Считай, кредит доверия получен, осталось оправдать.

– То есть не графиня должна подтверждать свое алиби, а я оправдать доверие?

– Это Венеция, саго тiо, а она – графиня Контарин. Ты же знаешь, что с определенными кругами в этом городе ты ничего не сможешь поделать.

***

Брат Альфонсо Террановы ни минуты не мог усидеть на месте. Он хватался за голову, бегал по кабинету, постоянно извинялся за беспорядок, хотя в апартаментах было исключительно чисто. Минимум мебели, все в серых и белоснежных тонах – известнейший венецианский искусствовед был явным приверженцем скандинавского минимализма.

Последний раз он видел брата два дня назад. Брат работал над какой-то статьей, встречался с разными людьми. Знать бы раньше! Но Леандро никогда не вникал в работу брата. Или делал вид, стараясь не запачкаться скандальной славой Альфонсо.

– Вы же знаете, что статьями Альфонсо Террановы были недовольны многие.

– Думаете, это повод для убийства? Боюсь, в тех кругах, о которых писал брат, так вопросы не решают это же не юг!

– Вы можете дать список тех, с кем у вашего брата были

натянутые отношения или конфликты?

– Синьоры, на него даже в суд ни разу не подали за диффамацию. Брат никогда не публиковал факты, которых не мог подтвердить.

– Соответственно, могут быть люди, решившие отомстить.

– Не думаю. Конечно, я составлю такой список, боюсь, я не всех помню, но я постараюсь.

– Вам знакома эта женщина? – Капитан показал снимок.

– Она... Dio mio! Она мертвая? – Леандро выронил фотографию. – Это та женщина, что найдена вместе с братом?

– Да, это она. Посмотрите внимательно. Вы узнаете эту женщину?

– Это... да... я узнаю ее... – взяв фотографию дрожащими руками, Леандро Терранова снова уронил ее на стальной серый столик. – Это Лезия.

– Лезия?

– Как-то так произносится... или Лессия... но брат звал ее Лезия. Она русская, они встречались с братом какое-то время, но давно расстались.

– Как давно?

– Месяца три назад.

– По чей инициативе?

– Я не спрашивал. Но это не было трагедией для брата.

– А для девушки?

– Понятия не имею.

– Как они познакомились?

– Лезия работала в галерее в Ка д'Оро, ее взяли переводчиком. Насколько я помню, она училась в университете Ка Фоскари. Я вхожу в попечительский совет галереи и часто приглашал брата на мероприятия. Ну, вы понимаете, учитывая сферу деятельности Альфонсо он знакомился с нужными людьми, наблюдал.

– Такими, как графиня Контарин?

– Да, но графиня... я не знаю, что между ними произошло, но графиня весьма сухим тоном запретила мне приводить брата на мероприятия, которые устраивала. Это было... года три назад, но я помню до сих пор, так со мной никто не разговаривал.

– У графини и вашего брата мог быть конфликт?

– Я не знаю. Я не спрашивал.

– Вы до сих пор помните тот разговор, но вам было не интересно в чем дело?

– Это дела брата, я в них не вмешиваюсь.

– Где жила Лезия?

– Понятия не имею. Думаю, в галерее есть все ее данные.

– Она встречалась с кем-то после вашего брата?

– Ходили слухи что с директором галереи, и он даже собирался бросить ради Лезии свою семью.

Директор галереи Доменико Кардуччи встретил караби-
неров у дверей своего кабинета, одетый в дизайнерские се-
рые джинсы и белую футболку без рукавов. Серые волосы
подстрижены по молодежному: виски и затылок выбриты,
верхние длинные пряди уложены гелем. В мочке уха сверк-
нула бриллиантовая серьга.

– Prego, accomodatevi. Прошу, проходите. Простите за
беспорядок.

Они все с ума сошли с беспорядком? Кабинет выглядел

безупречно, просторный, светлый, наполненный воздухом через огромные высокие стрельчатые окна, выходящие на широкий канал, деревянные полы выскоблены почти добела. Все было белым – стены, портьеры, пол – кроме черного дивана. В гигантской кобальтово-синей вазе стоял один гигантский белый цветок. Все выглядело настолько идеальным и настолько не венецианским, что резало глаз.

Беспорядок? Капитану как раз хотелось устроить беспорядок в этом картинном помещении, а заодно встряхнуть, помять, растрепать картинного мужчину, иначе он никак не мог отделаться от впечатления, что разговаривает с манекеном в стерильной лаборатории. Уж очень нарочитым был образ директора, созданный, несомненно, дорогим стилистом, сложно разглядеть личность за безупречным образом человека из мира современного искусства.

– Чем я могу помочь? – директор кивнул в сторону дивана, уселся первым, перекинул руку через спинку и вполоборота повернулся к собеседнику. Осталось вручить каждому по бокалу и будет светская беседа, а не опрос свидетеля. Кардуччи сумел завладеть инициативой, в этой обстановке капитан Маркон чувствовал себя не в своей тарелке.

– Такая странная трагедия! – продолжил директор очень небрежно, светски. Ни капли грусти не отразилось на лице.

– Одна из жертв, молодая женщина по имени Лезия, была вашим сотрудником.

– Это верно. Но лишь отчасти.

– В каком смысле отчасти?

– Мы нанимали Олессию Окх... Окхотникофф в том случае, если нужен был перевод.

– На русский?

– Не только, она прекрасно владела немецким и испанским, и итальянским, конечно.

– И стоила вам гораздо дешевле, чем итальянка с дипломом, которую вы приняли бы в штат.

– Это бизнес, уважаемый капитан. Я пекусь об интересах галереи.

– Альфонсо Терранову вы тоже знали?

– Почти не знал. Я хорошо знаком с его братом, известным искусствоведам, Альфонсо приходил с братом на наши официальные мероприятия, но очень редко. Вы понимаете, капитан, что его сфера профессиональных интересов усложняет общение, я не хотел, чтобы меня посчитали информатором и старался не поддерживать отношений. Отвратительное существо, капитан. Возможно, кто-то решил сделать нам одолжение.

– Нам?

– Нашему обществу. Венеции.

– У вас есть предположения, кто мог настолько обидеться на него, что убил?

– Боюсь, список будет слишком длинным.

– Как долго Олессия работала в галерее?

– Полгода. Она официально находится в Италии, учит-

ся... вернее, училась в университете.

– До нас дошли слухи, что у вас с Лезией... Олессией роман и вы собирались бросить свою семью.

– Это... не совсем слухи. Да, я предложил Олессии жить вместе.

– И предложили жене развод?

– Вы же знаете, капитан, что развод в нашей стране дело долгое. Через пару лет я бы получил статус “separazione”, то есть раздельного проживания, еще через два года мог бы подать на развод. Но... мы с вами мужчины, капитан, и понимаем, что любые чувства проходят. У меня очень прогрессивная жена, она прекрасно понимает, что есть семья, а есть... amore.

– Семья одна, а «аморе» может быть много?

– Ну, вы же все понимаете, капитан.

– И девушка была согласна с таким положением?

– Мы не обсуждали так досконально... Но капитан, ведь Олессия жила с молодым человеком, и тоже была не свободна... в общем...мы бы как-то это урегулировали.

– А вот с этого момента подробнее. Бойфренд знал, что Олессия собиралась его оставить?

– Боюсь она... я тоже пока не сказал своей жене... думаю, Олессию тоже пока все устраивало. Ее бойфренд, Стефано, вряд ли знал о нас.

– А может, она обманывала вас? Вы готовы были пожертвовать браком, вы платили зарплату «левой» переводчице

несмотря на то, что у галереи серьезные финансовые проблемы, в сфере культуры произошло множество сокращений, а вы платите студентке, которая не имеет разрешения на работу.

– Все абсолютно заслуженно. Она была необычайно способной. Великолепной переводчицей с прекрасным знанием нескольких языков. Специалиста такого уровня трудно найти! Этого никто не будет отрицать.

– И вдруг Олессия сообщила вам, что передумала, собирается жить со своим Стефано, да еще вы узнали, что у нее был роман с Альфонсо Террановой, а значит она и сейчас могла передавать журналисту информацию о вас и вашем окружении за деньги.

– Что вы хотите сказать? – Кардуччи занервничал, убрал руку со спинки дивана.

– Вы не догадываетесь?

– Офицер Маркон...

– Капитан.

– Капитан, послушайте меня. На вашем месте я направил бы свои усилия на поиск преступников. По-моему, в этом состоит ваша работа. А вы тратите время. Свое и мое. И государственные деньги. Если я узнаю, кто убил Альфонсо, я не скажу вам об этом. Я пожму этому человеку руку. Он избавил наш мир от грязи.

– А Олессия?

– Прощайте, капитан. Надеюсь, мы не скоро встретимся.

Глава 4.

Сонька привезла платье для бала. Вернее, не так – Платье, с большой буквы. Когда она примерила его перед зеркалом, Саша ахнула. Сочный яркий цвет фуксии, летящий шелк, открытые загорелые плечи – Сонька была прекрасна и вряд ли кто-то на балу сможет с ней сравниться.

Саша нехотя натянула платье, упакованное в качестве вечернего, и поняла, что с подругой рядом лучше не вставать, придется прятаться в углу зала. Поняла и Сонька, вздохнула, скомандовала:

– Снимай это... платье. Щас! – и засела в интернет. Потом долго рисовала что-то на карте Венеции и скомандовала снова:

– Пошли.

– Куда?

– Увидишь.

Грустная Саша кивнула и поплелась за подругой, даже не глядя по сторонам.

Ни мосты, ни каналы, ни дворцы ее совершенно не интересовали. Что может быть ужаснее для женщины, чем понять, что на балу ты будешь смотреться бедной прислугой своей лучшей подруги!

Сонька затащила Сашу в какой-то подвальчик, где на ве-

шалках висело море разнообразных платьев всех цветов и размеров.

– У меня денег таких нет, ты что!

– Не бойся, это прокат.

– Надевать после кого-то? Ни за что.

– Все продезинфицировано. Не бойся, вперед!

Саша вяло мерила маленькие черные и длинные красные платья, каждый раз вздыхала, глядя в зеркало:

– В лучшем случае я похожа на эскортницу!

– Не похожа. Губы.

– Что губы?

– Не уточкой.

Девушки расхохотались, стали строить зеркалу рожицы, но тут же погрустнели. Не судьба, все, что не меряла Саша, абсолютно ей не подходило.

Неожиданно женщина за стойкой продавца, или как там называются служащие проката, вышла в зал, оглядела девушек, потом долго искала что-то в глубине и наконец вытащила совсем не платье на плечиках, а какой-то маленький сверток, вручила его Саше и кивнула на примерочную.

– Меряй!

Саша вытащила лоскут синей ткани, со вздохом натянула на себя, глянула в зеркало и ахнула. Перед ней стояла русалка. Нет, королева русалок! Платье полностью облегло фигуру, струилось по полу, никаких украшений на нем не было, просто одно полностью открытое плечо, но сама ткань... И

пусть не шелк, а какая-то синтетика, глубокого и в то же время не кричащего синего цвета. Внутри вспыхивали золотые искры, не заметные, пока не наденешь платье. При каждом движении искры вспыхивали, словно золотая пыльца вылетала из ткани, окутывала Сашу и рассыпалась вокруг.

– Ну, ты чего там? – Сонька сгорала от нетерпения.

А Саша боялась выйти, словно шагни она за порог примечной кабинки, и волшебство исчезнет.

– Ты чего там застряла? – подруга уже заволновалась.

Саша откинула портьеру и вышла. Сонька и женщина застыли с открытыми ртами. Потом выдохнули.

– *Bellissima! Stupenda! Splendida!* – неизвестно сколько еще превосходных эпитетов подобрала бы женщина к описанию Саши в этом платье, но ее не надо было уговаривать, девушка готова была отдать все имевшиеся деньги за один вечер в этом платье. Такое случается раз в жизни и, в конце концов, она, Саша, достойна бала, о котором будет вспоминать всю жизнь.

– Сколько? – просипела она.

– Нисколько. – ответила женщина. – Оно не из прокатных. Это я дочке давно купила, уж лет десять назад, но не пригодилось. Так и лежит. Дочка уехала, занята семьей и детьми, вечерние платья ей без надобности. Забирай. Видимо, оно тебя ждало.

Не веря своему счастью, Саша медленно пошла к дверям, боясь, что ее окликнут и скажут, что все это шутка.

И ее окликнули.

– Куда вы в таком платье? Идите, переоденьтесь, синьорина.

Они были настолько разными, что ни одна не затмевала другую. Яркая темноволосая красавица Соня взрывалась сочной фуксией, нежная светловолосая фея Саша вспыхивала золотыми искрами. Конечно, никакой катер-такси им бы не подошел, хотя Саша готова были идти на бал в этом платье пешком, через всю Венецию, и обязательно через площадь Сан Марко, и чтобы все, все, все, приехавшие со всего мира, ее видели и ахали.

Но в Венеции не приходят пешком на бал, приглашенных доставляют частные лодки, и Соня с Сашей, естественно за счет последней, сняли гондолу.

Гондольер обалдело смотрел на двух принцесс, каким-то чудом свалившихся ему на борт, вел гондолу осторожно, и даже шикнул на коллегу, вопящего что-то неаполитанское для четырех толстых туристов. Коллега хотел возмутиться, но остолбенел, открыв рот, а туристы чуть не опрокинули свою гондолу, свесившись на один бок, опомнились, защелкали фотокамерами. Девушки встали во весь рост и позировали, а мимо плыли дворцы и опускались сумерки, в которых два экзотических цветка распускались еще ярче.

Гондола пристала к небольшому причалу у стен огромного светлого дворца. Служащие во фраках помогли девушкам выйти, проверили приглашения, неземная красота прибывших не отвлекла их от выполнения своего долга. И вот уже подруги оказались в саду, где вилась, уходя к небесам, лестница самого необычного венецианского дворца.

– Нам... туда? – Несмотря на красоту лестницы Саша вряд ли вскарабкалась на шпильке на верхний этаж по всем ее ступеням с винтовыми поворотами.

– Слава Богу, нет, – Соня показала на распахнутые во двор-кортильо двери в палаццо. – Знаешь, что означает его название – Боволо? Это венецианский диалект: лестница-улитка.

– Не хотела бы я переть свой домик на самый верх, – тут Саша вспомнила, что она прекрасная фея на балу, и исправилась, – ну, то есть, нести.

– Это палаццо построила одна из самых известных семей Венеции, Контарини, давшая немало дождей и сенаторов венецианской республики. Ты не представляешь, какие там внутри сокровища, любой музей позавидует!

– И они до сих пор здесь живут?

– Нет, лет двести назад здание по завещанию было передано приходу Святого Луки и стало резиденцией Конгрегации милосердия (Congregazione di Carità).

– И так до сих пор?

– Практически. Сегодня здесь учреждение детских приютов и образования. Которое получит нехилые денежки от аренды для бала.

– И кто за это платит?

– Богатые семьи города. Конкретно этот бал – в честь винного бьеннале, и одно из знаковых светских мероприятий города. Кстати, вот, это обязательно. – И Соня протянула Саше тонкую золотую маску, надев такую же.

– Типа все между собой не знакомы. Ага, так и не поймешь, кто под маской.

– Мы-то с тобой и без масок ни с кем не знакомы, ну, разве что чуть-чуть. Я же не просто так получила сюда приглашение, – горделиво расправила плечи Соня. – Наши вина...

– Так, ты сейчас надолго заведешься. Пошли, пора начинать светскую жизнь. Не знаю, как ты – с вашими винами – съехидничала Саша, – а я больше никогда в жизни сюда не попаду. Дай насладиться! – и тут же замерла, как вкопанная.

– Ты чего?

Саша невежливо ткнула пальцем вглубь зала, где мужчина и женщина разговаривали с другой парой. И в масках, и без Саша в любом месте планеты узнала бы эти две фигуры.

Стройная дама с идеально уложенными волосами в серебристом платье еле касалась тонкими пальцами предплечья своего спутника, маленького лысого человечка в черном смокинге со вспышкой оранжевого пламени бабочки.

- Странно, что бабочка не лимонная... – пробормотала Саша.
- О чем ты, ничего не понимаю.
- Вон, видишь? Те двое.
- И что?
- Это графиня делла Ланте, моя несостоявшаяся свекровь. В итальянском языке свекровь именуется подходяще – «суочера».
- Опять не поняла!
- Мама Никколо, понятно?
- Мамма мия! Она так ужасна?
- Она прекрасна, но разговаривать с ней я совершенно не намерена.
- Может и зря, выяснишь, какие у вас с Никколо перспективы, так сказать, от инсайдера.
- Какие перспективы, если он не звонил уже пару месяцев.
- Кто знает, кто знает... Погоди, она же вроде вдова?
- Это и пугает. Слишком часто я ее встречаю в этой компании.
- Так ты и кавалера знаешь?
- И ты не представляешь, насколько хорошо! – Саша стартанула с места, схватив Соню за руку и потащив за собой, да так неожиданно, что подруга чуть не подвернула ногу в туфле на высоком каблуке.

Через миг, улыбаясь во весь рот, Саша оказалась возле парочки. Глаза графини так расширились, что в прорезях маски остались одни зрачки, но ни одна черточка лица аристократки не дрогнула. Ее маленький спутник просиял, подпрыгнул, чтобы чмокнуть Сашу раз пять в каждую щеку, потом Соню, которой он даже еще не был представлен.

– София Россетти, винодельная компания Россетти из Эмилии-Романьи, – представила Саша, затем повернулась к Соне:

– Графиня Аделе делла Ланте, ее сына Никколо ты хорошо знаешь. Клаудио дель Фоско ди Монтеферрано, маркиз

Бальони.

– Зовите меня Клаудио, – маркиз снова просиял.

– Вы... вы тот самый маркиз из Умбрии, который спас ей жизнь! – ахнула Соня.

– Вы преувеличиваете дорогая, мы оба рисковали, мне просто повезло меньше. А вы все еще пускаетесь в авантюры, *carissima*?

– Во всяком случае на этом балу, я надеюсь, не случится убийства, – скривилась графиня, но непонятно было, к чему относится гримаса – к балу, который ей чем-то не угодил, к отсутствию убийств или к самой Саше. Девушка подозревала, что все же последнее.

– Оно уже случилось. – Маленькая изящная женщина подошла неслышно. Аделе делла Ланте и маркиз всплеснули руками, последовали поцелуи воздуха у щеки и вежливые восклицания, наконец девушек соизволили представить.

– Изабелла Контарин, – склонила голову женщина.

Саша никогда не видела глаз цвета лаванды, и это вряд ли были линзы. Неужели у этой дамы в молодости были фиалковые глаза, конечно, они потускнели с возрастом, но Боже, как же она была хороша!

Но ляпнула Саша совсем другое и весьма невпопад, вспомнив историю дворца, что ей рассказала подруга:

– О, так это ваше палаццо?

– Нет, дорогая, уже давно не наше.

– У семьи Контарин много дворцов в Венеции. – Поспе-

шил на помощь маркиз. – Вы невероятны, дорогая *contessa*, вы столько делаете для этого города!

Саша часто слышала, что в Венеции нет бедных. Они просто не смогут здесь жить, при местных ценах. Но и богатые люди стараются поселиться где-то в окрестностях, а старинные палаццо либо пылятся-сыреют в ожидании приезда на пару дней в год заокеанского хозяина или восточного шейха, либо давно разделены на апартаменты, и жить в крохотной квартирке в сестьере Сан Марко иногда дешевле, чем в большом доме в Кастелло или Канареджо... Венецианское общество сильно расслоено, и аристократ с лентой благородных орденовских достоинств через плечо с частным водителем собственного катера вряд ли будет сидеть за одним столом с живущим здесь не первый десяток лет «понаехавшим» из Неаполя или владельцем небольшого отеля-коренным венецианцем.

Сегодня девушки оказались в самом сердце высшего общества этого города. Саша подумала: а пригласили бы ее сюда с Никколо, или важные люди семьи Скарфоне заканчивались на графине делла Ланте? Тем не менее они с Соней были здесь, благодаря винам семьи Россетти, и никакие гримасы несостоявшейся свекрови не испортят этого вечера.

От мыслей ее отвлек вопрос маркиза, но расслышала она лишь слово «убийство» и сразу встрепенулась.

– Дорогой Клаудио, вы еще не слышали эту ужасную историю? В моем саду было найдено двое убитых.

Маркиз ахнул и прикрыл рот ладонью.

– Одного из них вы наверняка знаете, это печально известный журналист светской хроники Альфонсо Терранова. Вторая- русская переводчица, подрабатывавшая в Ка д’Оро.

– Русская? – теперь ахнула Саша, а графиня делла Ланте пояснила, что Алессандра тоже русская и подруга ее сына Никколо, который вот-вот получит важную должность в Риме. Весь в отца!

Она не сказала *fidanzata*, или *amica di cuore* – грустно вздохнула Саша, просто «амика». Вот и ответ на вопрос, от инсайдера.

– О, Алессандра разбирается в убийствах лучше всяких карабинеров, – польстил девушке маленький маркиз. – Я лично этому свидетель!

– Правда свидетели иногда оказываются в больнице, – мягко улыбнулась «свекровь».

– В таком случае, дорогая, вы должны заглянуть ко мне завтра на кофе. Часов в 10 утра, например, договорились? Я же вижу, что вам интересно, вы сразу оживились!

Саша кивнула, а Соня, схватившаяся за голову при слове «оживились», не успела укоризненно посмотреть на Сашу, как была приглашена на танец неизвестным высоким светловолосым мужчиной.

Саша раскланялась с аристократической компанией, и прошла по залу.

Вина лились рекой. Официанты в белоснежных фраках выстраивали целые пирамиды из хрустальных бокалов, на-

ливали сверху шампанское, превращая пирамиду в искрящийся фонтан. То, сколько напитка проливается мимо бокалов никого не волновало. Стол для фуршета ломился от крохотных кростини в невероятных сочетаниях креветок с клубникой, тонкого ломтика ростбифа с каперсом и инжиром, невозможно было ни сосчитать, ни опознать некоторые закуски.

Девушка поежилась. Уже некоторое время она чувствовала на себе чей-то взгляд, но когда поворачивалась, как бы случайно, то все были заняты своими делами, никто на нее не смотрел. Она выпила холодного шампанского, закусила парой кростини с клубникой и креветками, понадеявшись, что ни от того, ни от другого из платья немедленно не вырастет живот, а тогда прощай, красота! Ее даже пару раз пригласили на танец под очаровательно-старомодную музыку оркестра. И пусть она никого здесь не знала, и пусть приглашенные явились сюда поддерживать деловые контакты и устанавливать новые, чем активно занималась Соня, собравшая вокруг толпу поклонников, Саша чувствовала себя счастливой. Она скользила по залу, танцевала, пила шампанское, прекрасно понимая, что подобного бала в ее жизни скорее всего никогда не случится.

Лишь взгляд, который она чувствовала спиной, беспокоил, но она тут же забывала о нем, получая очередной восхищенный комплимент.

Из внутренних помещений девушка вышла на балконы, оттуда поднялась на последний ярус знаменитой лестницы и застыла, любуясь видом. Перед ней простиралась Венеция: крыши, колокольня Сан марко. Дворец Дожей, лагуна и далекие острова.

– Какая же она на самом деле маленькая! – пробормотала девушка и обернулась, вновь почувствовав тот самый взгляд.

– И пусть она превратилась в музей, и потеряла часть своей души, она все еще прекрасна и все еще хранит свои тайны, – ответил ей невысокий, чуть повыше Саши, темноволосый мужчина в идеально скроенном смокинге и черной маске, в прорезях которой сверкали такие же черные глаза.

– А я все никак не могу ее полюбить.

– Значит, вы любите что-то другое, – улыбнулся незнакомец.

– Алессандра, – протянула она руку.

Мужчина склонился над рукой, как положено изобразив поцелуй в воздухе.

– Зовите меня Берни, выговаривая полное имя, вы язык сломаете.

– Вы не итальянец, – в его речи чувствовался акцент, но он не был ни французским, ни английским, уж их-то Саша сразу определяла.

– Нет. – Ответил мужчина, и ничего не добавил.

– Вы винодел? – снова попыталась она узнать хоть что-то о незнакомце.

– Нет, хотя очень люблю хорошее вино. Мне всегда любопытны новинки, и я не пропускаю таких событий, как венецианское бьеннале.

– Я такие события обычно пропускаю, – рассмеялась Саша, – но моя подруга выводит на сцену семейное вино, и я не могла не приехать, не поддержать.

– Если бы вы не приехали, этот бал многое бы потерял, – галантно поклонился Берни. – Надеюсь, что мы еще увидимся, прекрасная Алессандра. И исчез в дверях.

– Интересно посмотреть на него без маски. Все же маска придает таинственность и без нее обладатель этих черных глаз может потерять всю привлекательность. – Думала Саша, пока новый знакомый (один из членов жюри винного конкурса, между прочим, Сонька времени даром не теряла!) вез их на своем катере в «верблюжье» палаццо.

Подруги засиделись за полночь, обсуждая первый в их жизни настоящий роскошный бал, но сначала они с трудом заставили себя снять наряды и умыться, так не хотелось расставаться с этой красотой! В конце концов Саша заявила, что пора спать, ведь утром ей нужно явиться с визитом к графине Контарин. Адрес она выучила наизусть, никакое шампанское не помешало. Не каждый день приглашают в аристократический дворец в Венеции!

Соня уснула, лишь коснувшись головой подушки, сразу после звонка экономки, доложившей, как провели день близнецы. А Саша, которая почему-то не рассказала подруге о черноглазом Берни, долго ворочалась. Забылась она лишь под утро, ей снился пристальный взгляд в прорезях черной

шелковой маски и даже во сне она чувствовала себя героиней оперетты, ведь в реальной жизни таких встреч и таких романтических незнакомцев не бывает.

Когда капитан Маркон вернулся в офис, у стойки регистрации стоял невысокий, сморщенный мужчина неопределенного возраста.

– Я хочу сообщить о преступлении.

Он выглядел так, будто жил на улице. Конечно, некоторые из бездомных одиноки настолько, что иногда являются в полицию или к карабинерам и рассказывают невероятные истории, лишь бы оказаться в центре внимания. Некоторые просто сумасшедшие. Но ни одно заявление не оставалось без внимания, порой именно от «barboni» – бездомных – поступала необходимая информация. Капитан махнул рукой офицеру за стойкой – Займись! – и направился в кабинет.

Буквально через пару минут в дверь постучали и на пороге показался молодой человек, худощавый, в черных джинсах и футболке, в круглых очках, он сразу напомнил капитану Гарри Поттера.

– Чем я могу помочь?

Молодой человек кивнул вместо приветствия и быстро заговорил:

– Я был внизу. Меня послали сюда к вам, я хочу сообщить о пропаже человека.

– Какое отношение вы имеете к пропавшему?

– Это моя девушка. Мы живем вместе.

– Прошу, садитесь.

– Ее зовут Олеся Охотникова, она студентка университета Фоскари. Как и я. Мы уже полгода живем вместе. Она два дня не приходит домой ночевать, такого никогда не было.

– Садитесь, не нервничайте. Мы приезжали к вам домой, но никто не открыл. Вы не слышали новости?

– Какие новости? – совсем разволновался парень, губы задрожали. – Я не был дома, и искал Олеся, я ходил ко всем знакомым и во все места, где она могла быть. Какие новости? Я не венецианец, я из Дезенцано и никого здесь не знаю.

– Садитесь, синьор...

– Грасси, Стефано Грасси. Нет, я лучше пойду, я зря пришел, это ошибка. Простите, что отнял ваше время.

– Синьор Грасси. – Флавио поднялся и почти грубо схватил молодого человека за плечо и силой усадил на стул. – Сядьте и выслушайте меня.

– Она... – глаза молодого человека налились слезами. – Она не...

– Мне очень жаль. *Mi dispiace tanto.*

– Что, как это случилось?

– Пока мы не можем сообщить обо всех деталях. Вы знакомы с графиней Контарин?

– Я не знаком. Но Олеся мне рассказывала. Она встречала графиню в галерее, где работала.

– Вашу девушку нашли в саду в палаццо графини. Ее убили ударом в грудь. И выкололи глаза.

Молодой человек побледнел:

– Мне плохо...

– Опустит голову между ног. – капитан вынул носовой платок, намочил его из графина, и подал парню:

– Приложи ко лбу. И выпей воды, – он подал стакан.

– Я хочу ее увидеть.

– Если готов к этому, то проедем в морг. Нужно будет заявление и опознание. Где вы познакомились?

– В университете. Мы стали встречаться, а потом я предложил жить вместе. У Олеси не было денег чтобы снимать квартиру, и она жила в общежитии, в монастыре. Я предложил жить вместе, я плачу за квартиру, а она готовит и ведет хозяйство.

– Ты что-то знаешь о ее семье?

– Они живут в каком-то маленьком городке в России. Свой дом. Родители разошлись, мать и сестра с мужем и детьми живут вместе. Обычные люди... мать учительница... Олеся говорила, что никогда не вернется, здесь перед ней открыт весь мир. Она говорила, что обязательно зацепится здесь, в Италии, останется любой ценой. Я... я хотел предложить ей брак.

– У вас были близкие отношения?

– Да, офицер. Но Олеся... она... как бы это сказать... она очень красивая и сексуальная, и она очень любила секс. Я бы никогда не удержал такую женщину. И хотел предложить брак, тогда у меня была надежда.

– Сейчас придет офицер, и вы вместе съездите в морг. Ес-

ли плохо себя чувствуете, давайте ненадолго отложим.

– Нет, все в порядке.

– И пожалуйста, не уезжайте из Венеции.

– Я подозреваемый? – побледнел молодой человек.

– Бойфренды всегда вызывают подозрения, Стефано. А в вашем случае один мотив налицо – ревность.

***

Отправив молодого человека в морг на опознание, капитан заторопился, его ждала графиня Контарин, предложившая встречу пораньше, чтобы день у всех оставался свободен.

Еще раньше ему позвонило высокое начальство, затребоvalo все новости по двойному убийству.

– Я надеюсь на вас, капитан. Это происшествие может негативно сказаться на туристическом имидже самого знаменитого города Италии и власти очень обеспокоены, мэр звонил уже трижды.

– И конечно, звонила графиня Контарин, – пробормотал Флавио.

– Звонила. – услышало его бурчание начальство. – Contessa заинтересована в скорейшем задержании убийцы, и кто мы такие. Чтобы с ней спорить!

– Действительно... – снова пробурчал Флавио.

– Какие-то зацепки?

– Не тяни. Нам за промедление голову оторвут.

Повесив трубку, Флавио спустился вниз, где к нему тут же бросилась пожилая дама в кокетливой шляпке, схватила за рукав, и лихорадочно затараторила, что у него безжалостные сотрудники, которые не хотят помочь бедной вдове, отказываются принимать заявление. Другой рукой она утирала слезу вышитым шелковым платком.

Сотрудники подавали непонятные знаки, но Флавио позвал дежурного и усадил даму на стульчик. У него было еще несколько минут, и капитан остался стоять, скрестив руки, пока дежурный слушает даму.

– Меня зовут Мария Антонелла Дзамбон, я живу на калле Дзен, 54. Спасибо вам, офицер, вы благородный человек. Да, я стара, но это не значит, что от меня можно отмахиваться.

– Не волнуйтесь, синьора, у вас примут заявление. О чем вы хотите заявить?

– Мой Пино не приходит домой уже третью ночь. Я очень переживаю. Такого никогда не было, я чувствую, что с ним что-то случилось!

– Впервые Пино не приходит ночевать?

– Нет, однажды он не приходил два дня, но на третий вернулся к завтраку, он меня любит, я знаю, и он – это все, что у меня есть! – Дама снова промокнула глаза.

– Не волнуйтесь, синьора, всякое бывает, может он задержался с друзьями. Вы же знаете, как это бывает, заиграются

в карты, выпьют лишний бокальчик...

Дама уронила платок и уставилась на капитана, Флавио почувствовал, что сказал что-то не то, а в приемной установилась полная тишина.

– По вашему мнению что могло случиться?

– Офицер, я знаю, что Пино никогда не был святым, он часто отказывался есть, и я прекрасно знаю, кто его накормил, крашеная лахудра на углу, у нее все время из окна такие запахи, что даже у меня в квартире чувствуется. Бедный Пино, конечно, не мог устоять!

– Вы должны дать нам фотографию вашего Пино.

– Ох, офицер, у меня нет ни одной фотографии.

– Хотя бы дайте подробное описание, чтобы мы могли начать поиски.

– Вы благородный человек, офицер. Мой Пино очень красивый, никогда таких не встречала! У него белое пятно на лбу, огненно-рыжий мех...

– М... что? Мех?

Сотрудники начали кашлять и сморкаться, скрывая истерический смех.

– Какой мех???

Женщина возмущенно уставилась на капитана.

– Мех, волосы, это же очень важно! Я расчесываю его дважды в день! Мой Пино самый красивый кот в Венеции! Все соседи подтвердят!

Капитан икнул, и пообещал синьоре, что Пино обязательно-

но найдут. Рассыпаясь в благодарностях, дама выплыла из здания.

Флавио повернулся к сотрудникам. Снова повисла тишина, все боялись вздохнуть.

– Вы знали? Пока я тут изображал из себя клоуна, вы все знали?

Ответом был гомерический хохот, не в силах больше сдерживаться, карабинеры ржали, как кони, утирали слезы, икали и махали руками.

Флавио очень хотелось кого-нибудь ударить, и побольнее, но и он не удержался и захохотал вместе с остальными. Когда все наконец отсмеялись, он направился к выходу, задержался на мгновение, обернувшись к сотрудникам и объявил:

– Чтобы к вечеру кота нашли! – и гордо удалился.

Глава 5.

Графиня встретила карабинера в сиреновом спортивном костюме и, неожиданно, ярко желтых кроссовках.

– Сколько у вас света! – огляделся Флавио в просторном зале, наполненном солнцем через огромные стрельчатые окна, выходившие на канал. Система акклиматизации держала прохладу, а двойные рамы действительно отсекали все шумы. – Complimenti, contessa! У вас прекрасный дом.

Графиня пригласила его пройти в следующую комнату, гораздо меньших размеров, с лавандовыми стенами, отделанными золотом. Усадила в мягкое кресло у старинного столика у окна, отправила горничную за кофе. В тех помещениях, где побывал карабинер, было очень мало мебели, именно это, в сочетании с высокими окнами, создавало ощущение пространства, не меньшую лепту вносили высокие потолки с фресками.

Изабелла Контарин прекрасно знала, какое впечатление производит цвет ее глаз, и активно обыгрывала его, от цвета стен в ее личном кабинете, где она принимала сейчас капитана, до спортивного костюма. Даже бархатная мебель в лавандовой комнате была темно сливовой, не нарушающей общей гаммы.

– Я живу очень просто, довольствуюсь малым, но это ма-

лое должно быто очень хорошего качества. Это придает качество и нашей жизни, не правда ли, capitano?

Сапфиры в ушах сверкнули, когда женщина наклонила голову.

– Я сама проектирую пространство, если хотите, я могла бы помочь и вам.

– С нашей кочевой жизнью это невозможно, – капитан представил лавандовые стены станции карабинеров и чуть не фыркнул, – благодарю вас, графиня.

– Чем старше я становлюсь, тем меньше ценю материальное в этом мире. В моем возрасте пора готовиться к отъезду в другие сферы, значит нужно иметь лишь минимальное количество необходимых вещей.

Вспомнив количество дворцов Контарини в Венеции, капитан снова чуть не фыркнул.

– И простите меня за спортивный вид, мой урок йоги сегодня чуть задержался. Очень рекомендую, ставит на место мысли в голове и приводит в порядок тело. Если хотите, присоединяйтесь ко мне на следующем занятии, у меня прекрасный персональный тренер.

– Вы очень любезны, но я не могу принять такое предложение.

– Простите, капитан, я совсем забыла, что являюсь подзреваемой. Но в вашей работе столько стресса, что просто спорт не спасет, здесь нужна гармония.

Вот как у нее это получается? Вроде и любезность оказа-

ла, и тонко намекнула, что подозреваемая, и похоже, даже посмеялась над этим. – подумал Флавио.

– Но мне очень хочется быть вам полезной. Ведь это в моем саду найдены бедняжки. Я стала плохо спать по ночам, еще хуже, чем обычно. Поэтому я взяла на себя смелость познакомиться вас кое с кем, возможно, это окажется полезным. Она с минуты на минуту будет здесь, во всяком случае я надеюсь, что она пунктуальна. Согласитесь, необязательность и непунктуальность – страшные грехи. Порой хуже прелюбодеяния, – и графиня рассмеялась нежным негромким смехом.

– Она?

Горничная постучала в двери кабинета и сообщила, что синьорина Алессандра прибыла.

– Ну, вот, – снова тихонько засмеялась графиня, – я не ошиблась в девочке. По крайней мере этот грех ей не свойственен.

В двери вошла высокая тонкая блондинка в узком платье без рукавов до колен, удивленно посмотрела на Флавио.

– Как сказала графиня делла Ланте, вы прекрасно осведомлены о работе доблестных стражей нашей безопасности, дорогая. Позвольте представить вам капитана Флавио Маркона, венецианца, к моей большой радости. Капитан, Алессандра из России, она, насколько мне известно, адвокат и я уверена, что окажет вам помощь во всей этой ужасной истории.

Капитан совершенно не представлял, как может помочь ему русская адвокат, а девушка вдруг рассмеялась:

– Берегите голову, капитан, согласно той же графине дела Ланте, моим партнерам по расследованию обычно не везет!

– Я думаю, дорогой капитан, что вы можете быть откровенным в нашем маленьком кругу. В конце концов я могу позволить себе эту слабость на склоне своих дней – обсудить расследование. Тем более, что меня оно касается напрямую. Я не буду спрашивать, подозреваете ли вы меня, капитан, вы достаточно умны, чтобы понимать, что ни я ни двое моих преданных слуг, живущих со мной уже сорок лет, не имеем никакого отношения к преступлению. А если я заплатила кому-то за услуги *assasino*... нет, как-то вы его сегодня называете по-другому... ах, да – киллер! – то и я достаточно умна, чтобы от этого человека не осталось ни следа в Венеции. И дорогая Алессандра не побежит в газеты, делиться информацией, и не явилась из далекой России, чтобы убить свою соотечественницу. Так что чувствуйте себя свободно, капитан.

– У вас сложилось какое-то впечатление о журналисте Терранова?

– Мое впечатление не отличается от впечатлений остальных в моем кругу. Журналистика сама по себе не слишком благородное дело, а желтая пресса тем более. Как там говаривал Марк Твен? Журналист это тот, кто говорит в доме

повешенного о веревке. Терранова не говорил о веревке, он копался в грязном белье и в личных секретерах своих жертв, да-да, не побоюсь этого слова, именно жертв.

– Его статьи когда-нибудь затрагивали вас или близких к вам людей?

– Нет капитан. – графиня сказала это мягко, но у Саши сложилось впечатление, что если бы такая статья появилась, то маленькая женщина в сиреновом спортивном костюме в гостиной с золотым орнаментом решила бы этот вопрос и журналист Терранова исчез с радаров навсегда, что бы это не значило.

– А женщина? Вы точно ее не видели?

– Теперь я припоминаю... вы же понимаете, что ночью, разглядывая мертвое тело без глаз (Саша вздрогнула) я вряд ли узнала бы в нем живую молодую женщину, которую я конечно же встречала в музее. Я просто была несколько расстроена, вы меня понимаете.

– Вы общались с Олессией?

– Олесей, – машинально поправила Саша. – Правильно произносится Олеся. Кстати, это вариант моего имени Александра из Белоруссии, но теперь превратился в самостоятельное имя.

– Значит, вы практически тезки?

– В какой-то степени. И синьора... и контесса права, я хотела бы помочь вам, капитан. Эта девушка была моей соотечественницей.

– И чем вы можете помочь?

– Как минимум поговорю с людьми. Вы можете сомневаться в моем опыте, но поверьте (Боже, я изъясняюсь так же высокопарно, как графиня, это заразно!) однокурсники Олеси и ее друзья будут более откровенны со мной, чем с офицером следственных органов.

– Я же знала, что она умница! – захлопала в ладоши графиня. – *Una ragazza in gamba! Brava!* Я только надеюсь, что вы оба вспомните, что я тоже имею отношение к этому делу, и это я вас познакомила. Поэтому милости прошу на утренний кофе с новостями. Но отвечая на ваш вопрос, капитан – нет, я практически не общалась с бедной девочкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.